

9 мая исполняется 76 лет со дня нашей Великой Победы

Там, вдали за рекой...

Посвящается моей маме –
Будариной Валентине Васильевне

Моего деда звали Василий. Василий Васильевич. Мой прадед – тоже Василий Васильевич – сгинул на Первой мировой. Молодая вдова – моя прабабушка – Фёкла Ивановна подхватила троих детей и уехала из голодного Петрограда куда-то под Полтаву. Именно там Василий научился играть на баяне и петь украинские песни – “Дывлюсь я на небо та й думку гадаю...”

А ещё мы в детском саду пели – “Там, вдали за рекой, засверкали огни, в небе ясном заря догорала...” Я уже знал – бабушка рассказывала – что это любимая дедушкина песня. И ещё я знал, почему это любимая дедушкина песня – потому, что это песня – про него самого! Это он ехал по широкой украинской степи. Это он бесстрашно поскакал на врага. Только дедушка тогда не погиб...

Дед Василий со своей дорогой женой Нюрой живут в Парголове. Жизнь мало-помалу налаживается. В Ленинграде почти изобилие – продают разные фрукты и колбасу. Моя мама на вопрос родителей – какие фрукты ей привезти из города? – неизменно отвечает: “Сосиски!” До той поры, когда самым вкусным будет кусочек хлеба – вкуснее любого пирожного – ещё остаётся время.

Весной 40-го дед собрался делать ремонт, колот дранку для крыши. В это время на двор зашёл человек с фотоаппаратом. Он снял на карточку деда Василия со старшей дочкой Валей – моей мамой. А бабушки Ани на карточке нет – она в роддоме с младшей дочкой Томой. Поэтому, наверное, у деда и мамы такое выражение лиц – ожидающее. Может быть, они в нас вглядываются?

Перед войной моей маме исполнилось 4 года. Она ясно запомнила, как её папа уходил на войну. Как ни странно, но он уезжал на войну на автобусе. На обыкновенном рейсовом автобусе. Всё было очень обыденно, только очень странно. “Двери в автобусе открыты. Папа уже внутри, я забегаю к нему, сижу у него на коленях, а мама стоит снаружи и очень сердится, но почему-то внутрь не заходит. Я выбегаю к ней, а потом снова бегу обратно к папе. Всё как-то неправильно – то, что они не вместе, и мне приходится бегать между ними – чтобы как-то их соединить”.

Василия Васильевича взяли в специальную часть – которую держат в резерве – на самый крайний случай, когда немцы начнут штурм города.

Про блокаду в нашей семье особенно не рассказывали. Но если вспоминать, то обязательно надо помянуть бабу Настю. Бабушка Аня всегда гово-

рила, что именно благодаря ей она с детьми осталась в живых. Дом у бабу Насти был покрепче и потеплее, а главное, у неё оставалась картошка. Когда начались морозы и голод, баба Настя забрала семью Василия к себе в дом. Сама она умерла в первую блокадную зиму. Это была первая смерть – из пяти, которые наша бабушка Аня числила за собой в этой войне.

Осенью 41-го детей ещё можно отвести в Очаг (детсад). За детьми там смотрят, как-то кормят. Но мама вспоминает, как “после еды мы все ползали на коленках, слюнявили пальчик, и этим пальчиком собирали с пола всякий мусор – нам казалось, что это хлебные крошки”. Потом Очаг закрыли.

Уходя на работу на телеграф, бабушка Аня оставляет полугодовалую Тому под присмотром старшей дочери – “Валя уже большая” – ей четыре с половиной года. Бабушка усаживает Тому на плитку и обкладывает её подушками – чтобы она не свалилась. Перед войной Тома уже научилась ходить, но начался голод, и сил не стало даже на то, чтобы ползать.

Воинская судьба деда Василия оказалась короткой. Узнать обстоятельства этой судьбы было невозможно. Осталась загадка и боль. Боль была общая – с той войны мало у кого вернулись отцы (мужья, сыновья...). А загадка была своя, специфическая – смерть деда никак нельзя было объяснить – не в бою, не от пули, не от бомбы, не среди огня – от голода – в воинской части, стоящей в резерве, готовящейся к отражению штурма.

Войну не вспоминали. Другое дело, что забыть её было невозможно. Рана не закрывалась.

Для внуков потери уже не ощущались, как рана. Но дедушки присутствовали не только в виде карточек в старых альбомах или в виде портретов на стенах. Бабушки всматривались в наши черты и повадки – старались разглядеть, что проросло? Мы тоже иногда оглядывались на своих бабушек и дедушек, пытались что-то увидеть. Я как-то сразу знал, что от деда Василия я унаследовал рост. И когда на уроках физкультуры в линейке по росту я стал перемещаться всё ближе и ближе к началу, знал, что это дедушка.

В середине восьмидесятых мне довелось пожить на Васильевском острове. Остров, конечно, не в честь деда Василия назывался, но я втайне радовался этому совпадению.

У Васильевского есть свой genius loci – Вадим Шефнер. Мы с женой поселились как раз напротив его дома. Во дворе у нас был домашний кинотеатр «Балтика», из окна был виден Андреевский собор. В букинисте на Большом я купил двухтомник Шефнера, и Шефнер повёл меня по этому так счастливо разливанному острову, где лишь только влюблённым дано заблудиться.

Потом мы перебрались на другой остров, полный всяких чудес.

По всем приметам следовало перебраться на следующий – ещё более чудесный остров. Вместо этого я вер-

нулся. “Ни страны, ни погоста не хочу выбирать...”

Пока мы были на краю обозримого мира, изобрели интернет. Туда были выложены секретные списки безвозвратных потерь. Среди апрельских 42-го года списков эвакогоспиталя № 87 обнаружилась запись: Бударин Василий Васильевич. Кр-ц. Специальность – сварщик, место службы – 48 БАО (батальон аэродромного обслуживания), дислоцирующийся в Агалатово. Там, куда наш дед Василий безвозвратно уехал в июне 1941 года на обыкновенном рейсовом автобусе согласно мобилизационному предписанию.

А в очередную годовщину снятия блокады мне на глаза попала газета статья о Вадиме Шефнере: “Служил в БАО... попал в госпиталь с последней степенью истощения...” Такое буквальное совпадение...

Перечитываю шефнеровскую “Сестру печали”. Снова вышагиваю по счастливым и грустным линиям Васильевского. Но теперь Шефнер ведёт меня дальше. С Толей-Чухной, которому автор отдал часть самого себя и весь свой опыт службы в БАО, я оказываюсь во дворе красных казарм на Выборгской стороне. Казармы, кстати, находятся напротив дедушкиного завода Карла Маркса. Затем в составе маршевой роты, колонной по четыре, мы выходим из ворот, поворачиваем направо и двигаемся на север... в Агалатово.

...нас разместили в одноэтажной казарме, а казарма эта находилась около аэродрома. Рядом стояло ещё несколько таких же строений, а за ними простиралось поле. Оно не было залито бетоном, на нём росла трава, но это было лёгкое поле. Виден был небольшой самолёт, а по краям, там, где начинались кусты, стояло ещё несколько самолетов. Мы попали в БАО – батальон аэродромного обслуживания.

Дед Василий – сварщик, его дело ремонт и обслуживание самолетов. Сварка, клёпка, жестяные работы. Технари, как косари – от зари и до зари. Впрочем, работа идёт и ночью. Машины должны возвращаться в строй как можно скорее, нужно обеспечивать самолёты вылеты.

Но это технические подробности. Суть у Шефнера. Погода – от которой очень многое зависит в судьбе солдата. Сводки информбюро и слухи. Беспокоество за родных, оставшихся в Ленинграде. В ноябре начинается зима – снег и морозы. И голод.

Загадка голодной смерти деда Василия разрешается на удивление просто. БАО числится тыловой частью и нормы снабжения здесь минимальные. Проживая день за днём с героем повести, Толей-Чухной, Шефнер отмечает, как на столах в столовой перестали оставаться куски хлеба, как стал цениться наряд на кухню, а все разговоры в землянках стали вертеться вокруг еды, как началась стрельба по воронам, как потом и вороны исчезли...

В январе в документах по 48 БАО фиксируется массовая смертность от истощения и болезней. Но это ещё не наши списки. Василий Васильевич со-

блюдает “воинский порядок, который придаёт смысл нашему трудному существованию и заставляет нас сопротивляться смерти”. И хорошо бы так – через силу, через не-могу – выстоять, перебороть, перетерпеть...

Но видимо, уже запущен какой-то смертный механизм. Ведь и нормы питания увеличены, и солнышко к весне поворачивает... но пошёл обратный счёт.

Пройдя вместе с дедом весь крестный путь той осени и той зимы, перечитываю последние его письма. Понятно, почему в них нет ни самолётов, ни ремонтов, ни бытовых обстоятельств. Только боль и отчаянье. Начало, впрочем, бодрое: “Дорогая жена Нюра, посылаю я тебе свой сердечный привет и желаю тебе всего хорошего – быть живым и здоровым”. Того же дедушка желает и “маленьким деткам – Валичке и Томарочке”.

Но вот дедушка пишет о своей болезни, и просит бабушку приехать к нему.

“Я, Нюра, очень хочу тебя увидеть”.

Заканчивая письмо, пишет традиционное “остаюсь жив и здоров”.

Я не знаю – замечал ли он наступление весны, связывал ли с ней надежды на выздоровление, видел ли, как Шефнер, в госпитальное окошко голубое небо и солнце, отметил ли раннюю в том году Пасху... Но, благодаря его письмам, я знаю, что наш дедушка вспомнил в эти дни о всех своих родных и соседях, и что он успел с ними со всеми попрощаться. Что он всё время помнил о своих детках – Валичке и Томочке. И что во все эти дни дедушка думал о своей Нюре – нашей бабушке Ане, и что держался он только за одну надежду – увидеться с ней.

10 апреля 1942. 293-й день войны. 184-й день блокады. Тогда никто не знал сколько их – этих блокадных, голодных, военных дней ещё будет впереди.

Но надо было жить – каждый день, и спасать детей – каждый день.

В какой-то из этих дней бабушка продаёт дедушкин баян. Не за деньги – за какую-то еду. Моей маме запомнилось это, как окончательное прощание с отцом – пришёл какой-то военный (хорошо хоть, что это был военный) и забрал баян со шкафа... Всё. Папы нет.

В трудные минуты мама подбадривала себя, обращаясь к себе со словами – “Ну что, вставай, Вася”. За несколько дней до своего ухода моя мама вдруг сказала: “Я любила своего папу. Так и прожила всю жизнь”.

Д. Рукавишников